

УДК 616:89-072.8.003.62-058.24:82-3 Гаршин

*А.К. Бурцев, Т.А. Бурцева, Р.А. Грачев***НЕКОТОРЫЕ СИМВОЛЫ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И БЕЗУМИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ
В.М.ГАРШИНА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВЫРАБОТКИ НОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ
ПСИХОТЕРАПИИ**

Донецкий государственный медицинский университет, Донецкий институт социального образования

Ключевые слова: интеллигенция, психические расстройства, психотерапия, выздоровление.

В истории культуры и духа есть фигуры, чьи личные судьбы, чье творчество становятся символом проблем целой эпохи в жизни народа.

Одним из пунктов пересечения исторических, нравственных, социальных проблем и реалий психопатологического круга в 70-80 годы XIX века стала личная судьба и творчество В.М.Гаршина (1855-1888). При жизни его талант был оценен И.С.Тургеневым, М.Е.Салтыковым-Щедриным, Л.Н.Толстым. На его трагическую смерть откликнулись стихами и статьями А.Н.-Плещеев, Я.П.Полонский, Г.И.Успенский, В.Г.Короленко. Вплоть до конца века он был в столицах и провинции «любимейшим автором – его читали запоем» [1].

Благодаря И.Е.Репину все знают его лицо – он был моделью царевича Ивана в картине «Иван Грозный убивает своего сына». Современникам было известно, что В.М.Гаршин страдал душевным заболеванием (циркулярным или маниакально-депрессивным психозом) и в болезненном состоянии покончил с собой. Самый знаменитый рассказ его «Красный цветок» был наиболее известным субъективным описанием психоза. Много раз издавались различные сборники, посвященные его памяти; в них были искренние воспоминания друзей, называвших его человеком «пленительным», «натурой до такой степени, если так можно выразиться, прозрачной, что узнать ее значило испытывать ее чарующее влияние» (Эртель). Были и многочисленные попытки политической мифологизации его личности, попытки возвести его в ранг святых мучеников от народничества, хотя ни в своих взглядах, ни в мотивации самоубийства он не давал этому повода. В советский период образ Гаршина и его творчество было еще сильнее схематизированы, упакованы в рамки «критического реализма», и, вместе с остальными его «передовыми представителями», уложены в подножье реализма социалистического. И

стал он, мягко говоря, малоизвестным современному поколению молодежи.

В.М.Гаршин писал в эпоху, похожую на нынешнюю: как и сейчас, тогда происходило «первичное накопление капитала», как и сейчас за счет раскрадывания государственного достояния. В рассказе «Встреча» (1879 г.) есть образ, по нашим меркам, вполне «нового русского». И дается этому образу ничуть не устаревшая моральная оценка. Есть у Гаршина произведения о войне, которая как и сейчас только закончилась тогда на Балканах, и по зову совести сам писатель был добровольцем на этой войне, описал весь ужас медленного умирания раненого, пережитый им самим («Четыре дня»). Описал он и тяготы солдатского быта, уродующие человека армейские порядки (но не впал в знакомое нам очернительство). Есть у него рассказы и о еще одной героине нашего времени – проститутке, но без нашей рыночной гордости, а с глубоким сочувствием («Происшествие», «Надежда Николаевна»). Есть и рассказ о нравственном чувстве, не дающем в конце концов ради мести пожертвовать чужими жизнями («Сигнал»). Писал он и о художниках, и о живописи, не впадая ни в осуждение «чистого искусства», ни в воспевание его «партийности», но терзаясь неразрешимым вопросом об истинном его предназначении, о соотношении этического и эстетического. Есть у Гаршина и сказки, притчи, полные философского смысла. Самая известная из них – «Лягушка-путешественница»; она всем знакома с детства, но вряд ли до конца всеми понята. Но, конечно же, главное произведение писателя – его яркая вещь «Красный цветок». В нем психопатология выходит наружу, но безусловно, не к ней одной все сводится. Многих читателей, конечно же, толкал прочесть этот рассказ примитивный, холодный обывательский страх-интерес. И они могут найти в нем и опи-

сание причудливых ассоциаций и нелепых поступков больного, и угрюмого быта психиатрической лечебницы. Но для любого внимательного читателя самым поразительным открытием становится то, что в помешательстве, в психозе не искажается, не извращается, но только заостряется главная альтруистическая направленность личности больного. (К сожалению, должны признать, что не только обыватели-непрофессионалы, но и многие коллеги-психиатры отказывают психотикам в праве на сохранность этой этической составляющей).

Детальнейший клинический разбор психопатологической симптоматики, описанной в этом рассказе, содержится в этюде Н.Н.Баженова «Душевная драма Гаршина» (1902). С привлечением многочисленных описаний, сделанных родственниками и друзьями писателя («объективный анамнез»), текста рассказа, дневников, Баженов *lege artis*, обосновывает диагноз, как сказали бы, теперь, биполярного аффективного расстройства. Этюд, в целом является блестящим дидактическим материалом, достойным, на наш взгляд, перенесения без купюр в любой современный учебник психиатрии, хотя концептуальный уровень психиатрии того времени и не позволяет исследователю полностью оторваться от маньяновской концепции дегенерации. Впрочем, в одном месте, ссылаясь и на свой собственный клинический опыт и, безусловно, находясь под очарованием личности Гаршина, Н.Н.Баженов делает специальную оговорку, что «термин «дегенерация» следует понимать здесь не в ходячем смысле «вырождения, а в смысле известной дисгармонии, неустойчивости, происходящей, быть может, не от прирожденного убожества (дегенерация), а от неполноты, незавершенности создания высшего психического типа (прогенерация, конечно, неполная, несовершенная)» (2). По поводу этой цитаты можно, нам кажется, сказать о предвосхищении Н.Н.Баженовым описанных гораздо позднее основателем психосинтеза Роберто Ассаджоли «психических расстройств, которые могут возникнуть на разных стадиях духовного развития», в процессе «духовного пробуждения», «самореализции», «раскрытия канала, связующего Я («высшее я») и эго («я»)). «Если ум неспособен вынести озарение... он может неверно проинтерпретировать испытанное, вследствие чего происходит «смещение уровней» стирается различие между абсолютной и относительной истиной, между «я» и Я. В этих обстоятельствах прилив духовных энергий может вызвать отрицательный эффект - усиление и разрастание эго» [3].

В дальнейшем появились статьи, трактующие творчество и жизнь В.Гаршина с позиций индивидуальной психологии А.Адлера (И.А.Бирштейн, 1913), психоанализа З.Фрейда (М.Вульф, 1923). Последняя работа («Идея смерти у В. Гаршина. Психоаналитический этюд.») в рамках объяснительных концепций раннего фрейдизма весьма тенденциозно сводит всю сложную гражданско-политическую, духовную, личностно-психологическую проблематику жизни писателя к привычным для психоанализа понятиям «выбора сексуального объекта», «вытеснение гомосексуальности» и т.п. Видимо, именно о такого рода исследованиях художественных произведений в духе психоанализа К.Г.Юнг в том же году писал: «Анализ такого рода не дорастает до художественного произведения...» [4].

Работа М.Вульфа была написана, судя по всему, до его знакомства с книжкой З.Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия (1920, рус.-пер. 1925), где автор, ассимилировав опыт лечения военных невротиков и идею С.Н.Шпильрейна о том, что «инстинкт сохранения вида требует для своего осуществления разрушение старого в такой же степени, как создание нового и... по существу амбивалентен... Инстинкт самосохранения защищает человека, двойственный инстинкт продолжения рода меняет его и возрождает в новом качестве» [5]. Тогда жертвенное поведение Гаршина могло бы быть рассмотрено как влечение к смерти, как «дополняющее садизм частичное влечение мазохизма», которое «следует понимать как обращение садизма на собственное Я» [6].

В работе 1924 г. «Экономическая проблема мазохизма» З.Фрейд выделяет особую форму его – «моральный» мазохизм, примечательный ослабленной связью с сексуальностью. При нем страдание само по себе становится значимым, даже если вызывается безличными силами и обстоятельствами. Переживается оно в виде бессознательно-го чувства вины или «потребности в наказании».

По мнению Фрейда «... совесть и мораль возникли через преодоление, десексуализацию Эдипова комплекса; через моральный мазохизм мораль вновь сексуализируется... Выгоды от этого нет ни данному лицу, ни морали. Хотя индивид может... сохранить свою нравственность... мазохизм создает искушение совершать «греховные» поступки, которые должны потом искупаться упреками садистской совести (как это часто бывает у столь многих русских (подчеркнуто нами: А.Б.) типов характера) или наказанием... Чтобы спровоцировать кару... мазохист должен делать нечто неце-

лесообразное... и, возможно, даже покончить со своим реальным существованием» [7].

Хоть полученный вывод и лишен конкретики индивидуальной, он выводит, можно сказать, на конкретную «национальную проблематику».

Фрейдовское указание на «русский» характер подолеки «морального» мазохизма заставляет задуматься о причинах такой его национальной атрибуции. Ее источниками могли быть или впечатления от чтения Фрейдом современной ему русской литературы или – от общения с пациентами из России. И в том, и в другом случае указанная проблематика – это проблематика прежде всего российской интеллигенции.

В 1909 году вышел в свет замечательный сборник статей «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции», беспрецедентный по своей глубине и силе документ, не только анализирующий, но и провозглашающий идею необходимости культурного объединения. В статье этого сборника «Героизм и подвижничество» С.Н. Булгаков писал: «Боль от дисгармонии жизни и стремление к ее преодолению отличают наиболее крупных писателей-интеллигентов. В этом стремлении к Грядущему Граду, в сравнении с которым бледнеет земная действительность, интеллигенция сохранила, быть может, в наиболее распознаваемой форме черты утраченной церковности» [8]. В 1911 г. он же отметил, что «Гаршин несомненно страдал от несоответствия своего интеллигентского мировоззрения религиозным запросам души» [9]. «Патогенность» этого несоответствия подтверждается тем терапевтическим эффектом, который переживает герой рассказа В.М.Гаршина «Ночь». Пребывая в депрессивном состоянии он удерживается от самоубийства, услышав церковный колокол; он открыл Евангелие и «читал все подряд, забыв даже и фразу, из-за которой достал книгу. А фраза эта была давно знакомая и давно забытая. Когда же он дошел до нее, она поразила его огромностью содержания, выраженного в восьми словах:

«Если не обратитесь и не будете как дети...»

Ему показалось, что он понял все.

- Знаю ли я, что значат эти слова? Обратится и сделаться как дитя!.. Это значит не ставить во всем на первое место себя. Вырвать из сердца этого скверного божка, уродца с огромным брюхом, это отвратительное Я, которое сосет душу...

Да, да! – повторял в страшном волнении Алексей Петрович: - все это сказано в зеленой книжке, и сказано навсегда и верно... Такого восторга он никогда еще не испытывал ни от жизненного успеха, ни от женской любви» [10].

Рассказ этот кончается странно: герой духовно воскресает, но ночи этой он не пережил, его сердце не выдержало потрясения и «спокойный серый свет... скудно осветил... человеческий труп с мирным и счастливым выражением на бледном лице» [11].

Теоретически возможное обращение, но успешность его заранее отвергается. Слишком тяжело идти против течения, слишком опутана, развращена интеллигенция бесовщиной – от шигалевщины до марксизма, слишком укоренен в ней дух горделивой, самовлюбленной рассудочности. «Рассудочник-интеллигент на словах «любит» весь мир и все считает естественным, но на деле он невидит весь мир в его конкретной жизни и хотел бы уничтожить его, - с тем, чтобы вместо мира поставить понятия своего рассудка... хочет всюду видеть лишь искусственное, лишь формулы и понятия, а не жизнь, и притом – свои» [12]. Отбросив христианство, российская интеллигенция обратилась в религию человекобожества, поставив себя на место провидения. О том, чем это может закончиться (и закончилось) предупреждали «Вехи». Увы, сборник постигла участь Кассандры.

Но изменилось ли что-нибудь сейчас, извлечены ли уроки? Снова – воспевание «мощи... психологически окрашенной чувством культурного самодовольства разбогатевшего буржуа», «самодовольство и духовное хищение»... [13].

Но вернемся к трактовке образа «красноцветка». И снова цитата из С.Н.Булгакова: «Из противоречий соткана душа интеллигенции, как и вся русская жизнь, и противоречивые чувства в себе возбуждает. Нельзя ее не любить, и нельзя от нее не отталкиваться. Наряду с чертами отрицательными, в страдальческом ее облике просвечивают черты духовной красоты, которые делают ее похожей на какой-то совсем особый, дорогой и нежный цветок, взращенный ее суровой историей; как-будто и сама она есть тот «красный цветок», напитавшийся слез и крови, который виделся одному из благороднейших ее представителей, великому сердцем Гаршину» [14].

Далее идет сравнение отказавшейся от Христа интеллигенции с библейской Суламитой, покинутой женихом, хочется добавить и еще один образ, дополняющий характеристику женского образа интеллигенции:... «вся интеллигенция в мистической сущности своей есть именно «demi-mond» – таково неизбежное жизнечувствие оземляневших душ» [15].

Безумец из «Красного цветка» приобретает гигантский масштаб пророческой фигуры уби-

вающей саму себя интеллигенции. Разгадать бы ее раньше! Практически все остальные смерти в рассказах Гаршина могут быть сведены к этой же теме. Не будем забывать, что эта саморазрушительная тенденция имеет бессознательный характер. Существует ли возможность сублимации этой энергии, возможность преодоления трагизма? По сути говоря, речь идет о преодолении противоречия между своеволиями ума, воли человеческой и закона Божия, о преодолении дезинтеграции личности: «Само безумие – эта дезинтеграция личности, – разве оно в существе своем не есть следствие глубокого духовного извращения света нашей жизни? – «нервные» болезни разве не имеют истинной причиной своею стремления человечества и человека жить по-своему, а не по-Божьему, жить без закона Божия, в аномии» [16].

С.Л.Франк в 1930 году отмечал, что «психоанализ философски не справился с тем кладом глубинной душевной жизни, которую он сам нашел. Плоскость его рационалистических и натуралистических понятий неадекватна глубине и иррациональности открытого им духовного материала» [17].

Описывая истинный смысл сублимации, Б.П.Вышеславцев показывает, что высший трагизм столкновения воли человека с волей Божьей разрешим лишь в христианстве, разрешим в словах «да будет воля Твоя». Интеграция личности достигается лишь ее воцерковлением.

В трудах С.Л.Франка, И.А.Ильина, Б.П.Вы-

шеславцева, П.Флоренского, В.Зеньковского со-держатся глубокие размышления об этом процессе, описаны его этапы. Это наследие дает надежные ориентиры, и само по себе постижение его открывает возможность самостоятельной реализации человеком свободы совести. Вместе с тем психологи и психиатры, специалисты, занятые психотерапевтической и психокоррекционной работой в современном обществе не могут не испытывать трудностей, связанных с недостаточным владением вопросами христианской психологии. Как свидетельствуют, на наш взгляд, материалы данной работы, поворот к вопросам религиозной проблематики в работе практических психологов является насущной задачей нашего времени. Одним из источников постижения конкретной духовной проблематики, познания непреходящих тем духовной жизни является неисчерпаемый клад литературы и искусства. Одним из наиболее успешных путей одухотворения современной отечественной психотерапии является овладение этим наследием. Естественному центростремительному движению воцерковляющихся психотерапевтов и психологов по направлению к русской православной церкви должна ответить более целенаправленная, идущая навстречу волна церковного духовного попечительства. Задача духовного и душевного исцеления и самой больной и самой активной части нашего современного общества может быть решена только в таком взаимодействии.

О.К. Бурцев, Т.А. Бурцева, Р.О. Грачов

ДЕЯКІ СИМВОЛИ ІНТЕЛІГЕНЦІЇ ТА БЕЗУМСТВА У ТВОРЧОСТІ В.М.ГАРШИНА ТА ЇХНЄ ЗНАЧЕННЯ ДЛЯ РОЗРОБКИ НОВИХ КОНЦЕПЦІЙ ПСИХОТЕРАПІЇ

Донецький державний медичний університет, Донецький інститут соціальної освіти

Творчість В.М.Гаршина торкається багатьох тем, типових для сучасності і центрована на проблемі інтелігенції. Однією з причин глибокої кризи морального та нервово-психічного здоров'я інтелігенції є її відхід від церкви. Обов'язковою умовою утворення сучасної національної психотерапії є її православна спрямованість. (Журнал психіатрії та медичної психології. — 2004. — № 1 (11). — С. 84-88)

SOME SIMBOLS OF INTELIGENTSIA AND MADNESS IN V.M.GARSHIN'S WORK AND THEIR MEANING FOR WORKING OUT THE CONCEPTIONS OF PSYCHOTHERAPY

Donetsk state medical university, Donetsk institute of social education

V.M.Garshin's work touches many aspects that are typical for our time and is centred on the problem of intelligentsia. One of the causes of deep crisis of intelligentsia's moral and psychical health is the withdrawl from Church. The obligatory condition of the creation of contemporary national psychotherapy is it's Orthodoxal Greek Church orientation. (The Journal of Psychiatry and Medical Psychology. — 2004. — № 1 (11). — P. 84-88)

Литература

1. Дон-Аминадо, «Поезд на третьем пути». – М.:1991. – С.5.
2. Н.Н.Баженов «Психиатрические беседы на литературные и общественные темы». – М., 1903. – С.117.
3. Р.Ассаджолли, «Психосинтез». – М.: 1994. – С.32, 36-37.
4. К.Г.Юнг, «Архетип и символ». – М.:1991. – С.270.
5. Цит. по А.Эткинду, «Эрос невозможного», - С.-Петербург, 1993, с.183.
6. З.Фрейд, Психология бессознательного, - М.: 1989, с.417.
7. Венера в мехах – М.: 1992, - с.363-375.
8. Вехи. Из глубины. – М.: 1991. – С.36.
9. Христианский социализм С.Н.Булгаков, - Новосибирск: 1991. - С.126.
10. В.М.Гаршин. «Сочинения». – М.: 1955. – С.115-116.
11. В.М.Гаршин. «Сочинения». – М.: 1955. – С.117.
12. П.Флоренский «Столп и утверждение истины». – Т.1. – М.: 1990. – С.295.
13. Вехи. Из глубины. – М.: 1991. – С.43.
14. Вехи. Из глубины. – М.: 1991. – С.71.
15. П.Флоренский, «Столп и утверждение истины». – Т.1. – 1990. - С.299.
16. П.Флоренский, «Столп и утверждение истины». – Т.1. – 1990. – С.173.
17. Цит. по Б.П.Вышеславцеву. – «Этика преображенного эроса». – М.: 1994. – С.104.

Поступила в редакцию 09.09.03